

развитие события на основе тщательного анализа наличных тенденций; количество и качество умственных процессов и продуктов труда [4].

Уповаем на гармонию, лад, соборность философии, религии и педагогики. Несмотря на справедливую критику, педагогика – гуманитарная наука о развивающемся человеке в развивающемся образовании – располагает достаточным потенциалом для спокойного, бесконфликтного совершенствования отечественного образования, соединяя позвонки традиций и инноваций [5].

Современная педагогика (если она современная?) расширяет границы своих теоретических и практических интересов. Современный педагог (если он современный?) вынужден внимательно отслеживать, что происходит в отечественной философии.

«В основании философского импульса лежит вообще воля к существованию в бытии, и затем воля к осуществлению себя в культуре, которая, прежде всего, проявляется как чистое философское удивление, изумление, благоговение или философское отчаяние, стенание, вопрошание. В философии не возможен вопрос "что первично", ибо первична сама философия со всеми своими вопросами» [6, с. 252].

Стронники нравственной философии сформулировали смысл современной педагогики: «воля к существованию в бытии», что означает стремление понять человека, его состояние в реальной жизни, повседневной окружающей действительности; «воля к осуществлению себя в культуре» подразумевает понимание человека, к какой культуре он принадлежит, какими нравственными ценностями эта культура располагает, носителем, хранителем, транслятором каких ценностей является лично он.

И потому в педагогике возможен вопрос «что первично в образовании?». Сегодня ответ на данный вопрос таков: первичен человек, который удивляется, изумляется, благоговееет или отчаивается, стенает, вопрошает; человек развивающийся, ибо – человек смысл, цель, результат и субъект истории, культуры и образования.

Литература

1. Корольков, А. А. Драма русского просвещения / А. А. Корольков. – СПб., 2013. – С. 33–36.
2. Исаев, И. Ф. Культурологический подход к исследованию проблем профессионализма педагога / И. Ф. Исаев // Сибирский педагогический журнал. – 2006. – №4. – С. 32–36.
3. Розанов, В. В. Сумерки просвещения / В. В. Розанов. – М., 1990. – С. 92.
4. Рапацевич, Е. С. Педагогика : большая современная энциклопедия / Е. С. Рапацевич. – Минск : Современное слово, 2005. – 719 с.
5. Белозерцев, Е. П. Образование: историко-культурный феномен : курс лекций / Е. П. Белозерцев. – СПб. : Издательство Асланова, 2004. – 880 с.
6. Варавва, В. В. Неведомый Бог философии / В. В. Варавва. – М. : Летний сад, 2013. – С. 252.

СОВРЕМЕННАЯ УРБАНИСТИЧЕСКАЯ СРЕДА И ЧЕЛОВЕК: ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Ю. Ю. Захарина, доктор искусствоведения, доцент
УО «Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка» (Республика Беларусь)

Аннотация. В статье раскрывается проблема взаимодействия человека XXI века с урбанистической средой. Выделяются ключевые темпоральные ориентиры общества, служащие маркерами общественного сознания. Доказывается, что крупномасштабные комплексы, светопрозрачная архитектура и медиа являются доминирующими элементами урбанистической среды цифровой эпохи, оказывающими из вне влияние на формирование общественного сознания.

Annotation. The article reveals the problem of human interaction of the XXI century with the urban environment. There are several key temporal reference points of the society that serve as markers of social consciousness. It is proved that large-scale complexes, translucent architecture and media are the dominant

elements of the urban environment of the digital era, which have an influence on the formation of public consciousness.

Ключевые слова: урбанистическая среда, реально-виртуальное пространство, цифровая эпоха, ценности техногенной цивилизации, общественное сознание.

Key words: urban environment, real-virtual space, digital era, values of technogenic civilization, public consciousness.

Динамичное преобразование урбанистической среды в цифровую эпоху вносит продиктованные требованиями времени коррективы в понимание места проживания человека. Сложившееся веками представление общества о среде обитания как об устойчивой системе материальных недвижимых и движимых ценностей, расцвеченных богатейшей палитрой красок духовного мира, утрачивает свою актуальность в свете импульсивного прорыва информационных технологий. Коммуницирование человека со средой переходит на новый уровень взаимоотношений, на котором субъект-объектные связи не имеют столь устойчивых позиций. Они исчисляются не столетиями, годами и часами, а мгновением.

Человек XXI века, пребывающий постоянно в урбанистической среде, соотносит ритмы своей жизнедеятельности с окружающей обстановкой. На организацию общественной деятельности влияние оказывают внешние факторы. Сама среда выступает самодовлеющим обстоятельством формирования общественного сознания. В контексте интенсивно ускоряющегося освоения человеком пространства – материального, духовного, социального интегрированная урбанистическая среда является той платформой, на которой строится осознание человеком и обществом своего времени – цифровой эпохи.

Постижение границ пространства происходит сегодня в двух ключах – человеческим разумом и искусственным интеллектом. Коллаборация этих двух взаимосвязанных производственных сил порождает новые формы организации среды обитания человека. Эта среда все больше отдаляется от традиционной модели существования общества с характерной соразмерностью предметов и объектов окружающей обстановки человеку.

Урбанистическая среда XXI века – это интертекстуальное пространство, в котором взаимодействуют человек и машины, реальные и виртуальные формы, статичные и динамичные объекты. Внешние границы, визуальные качества урбанистической среды определяют сегодня, главным образом, архитектура и дизайн.

Застывшие в «камне» творческие замыслы зодчих цифровой эпохи поражают своим невиданным масштабом. Создаваемые с помощью компьютерных технологий современные архитектурные формы вырастают в урбанистическом пространстве одновременно, трансформируя первичную «материю» поселения в гибкую «ткань». Эта «ткань» – лишь основа революционных преобразований, которые еще испытает урбанистическая среда.

Большинство творческих «экспериментов» по модифицированию места проживания человека – городского или сельского – основывается сегодня на оценке возможностей моделирования гибких и динамичных архитектурных форм и конструирования разнообразных по тактильным и визуальным качествам «оболочек» этих форм. В первом направлении отмечается явная тенденция к гигантизму, которая прослеживается как в отдельных зданиях и сооружениях, проектируемых зодчими, так и в комплексной застройке крупных городов. Во втором направлении выделяется следование двум концептуальным векторам – создание безбарьерной среды путем применения «стеклянных одежд» зданий (витринных окон, навесных ограждающих конструкций с полным остеклением стен) и создание интерактивной среды за счет установки светодиодных экранов, как на фасадах зданий, так и в виде отдельно стоящих щитов.

Гигантизм как одна из характерных черт урбанизма, связанный с экономией территориальных ресурсов, проявляется наиболее ярко в застройке центральных районов мегаполисов и крупных городов, главных коммуникационных осей и деловых центров, иногда расположенных в удалении от общегородского центра. Здания и архитектурные комплексы невероятно крупного масштаба организуют пространство в соответствии с функциональными требованиями и приоритетами современного общества.

Расположение в пешеходной доступности всех необходимых для жизнедеятельности социально-бытовых объектов (что позволяет экономить время) выступает сегодня одним из главных условий организации урбанистической среды. В мировой практике этот аспект урбанизма решается преимущественно путем формирования крупных кварталов застройки, часто изолированных от внешнего мира. В странах Европы и Америки возводятся жилые кварталы и общественно-жилые комплексы с «закрытыми дворами», которые в сознании современного общества воспринимаются как безопасные для жизни пространства. Но если в странах Запада в проектировании и строительстве учитывается психологический аспект ощущения человеком окружающей действительности и своего места в ней (высотность построек чаще не превышает шести этажей), то в странах восточной Европы (в Беларуси, России) возводятся кварталы многоэтажной застройки, нередко вызывающей дискомфорт проживающих постоянно людей.

«Стены» из мощных построек в виде многофункциональных комплексов, жилых кварталов, гостиниц, следующие непрерывной линией вдоль транспортного коридора главных артерий мегаполиса, настраивают въезжающего в город человека на определенный ритм. Двигаясь сквозь такой монументальный «портал времени», человек погружается в атмосферу стремительных прорывов, революционных идей, активных действий. Архитектура направляет сознание человека в русло времени. Темпоральные ориентиры, среди которых – быстрота реагирования на ситуацию, адаптивность к меняющимся условиям существования, включение в интерактивную среду на уровне пользователя, комфорт человека в любых жизненных обстоятельствах, – служат маркерами общественного сознания, на которых выстраивается система взглядов и предпочтений социума. В свою очередь, общественное сознание определяет эстетические ценности эпохи, выражаемые в искусстве в целом и в архитектуре в частности.

Грандиозные архитектурные комплексы несут в своем содержании преломленные в образах смыслы бытия человека XXI века. Пространственные коридоры и монументальные «врата», кварталы жилой застройки и упорядоченные ряды высотных домов башенного типа отражают в формах стремление человека покорять новые вершины, завоевывать неизведанное пространство.

Одним из признаков урбанизма XXI века стал контраст характера застройки крупных городов. Вместе с грузными, тяжеловесными объемами зданий и архитектурных комплексов в городской среде обыденными стали легкие световоздушные архитектурные формы. Леденящий блеск хрупкого стекла, готового вот-вот рассыпаться на звонкие осколки, создал безбарьерную среду. Стекло, облачающее высотные и малозэтажные здания, сооружения, будто соперничая с «соседями», озаменовало новую эру – эру высокотехнологичной индустрии.

Повсеместно применяемое в строительстве, всего немногим более полутора столетий, архитектурное стекло в одно мгновение завоевало мир строительных материалов и технологий. Теперь уже не только оконные проемы – от небольших круглых, прямоугольных и арочных форм до грандиозных витрин в два уровня, но и сами стены зданий обрели «хрустальные» одежды. Блестящие и матовые, кристально чистые и кричаще красные, синие... – все многообразие «самоцветов» наполнило урбанистическое пространство драгоценным сиянием искрящихся красок. Переливы граней архитектурного стекла, в котором отражается застройка прилегающих районов (кварталов), создали новую реальность. Фантастическая по природе, разнообразная по композициям, формам, образам, светопрозрачная архитектура стала одним из символов цифровой эпохи.

В реалиях световоздушных архитектурных форм человек ощутил себя как в мнимом зеркале. Но лоск стекла фасадов стал художественной «обманкой». Материальность форм, испокон веков присущая архитектуре, растворилась в бесконечности. Отраженный и преломленный в стеклянных экранах свет искажил реальность. Сияние солнечных лучей и отражение в глади стеклянных стен объектов материального мира привело к рассредоточенности, порой растерянности человека, странствующего по этому зеркалю. Сознание человека цифровой эпохи, адаптированное к постоянным сменам изображений, перестало разграничивать действительность реальную и виртуальную.

Восприятие урбанистической среды человеком XXI века отличается от господствовавшего в предшествующие эпохи. Современный человек воспринимает урбанистическую среду кинетически. Сама

о себе динамичная городская среда диктует условия пребывания в многомерном пространстве. Визуальное преобразование городских просторов за счет отражающего эффекта архитектурного стекла, контрастов объемов, фактур и материалов, цветовых пятен, декоративной подсветки в вечернее и ночное время, медиа заставляет человеческое сознание синтезировать воспринятые и домысленные характеристики среды.

Размывание границ архитектурной формы как одна из особенностей современного зодчества, открывает возможность переключения сознания человека с реально существующих на вымышленные образы. Все, что ранее являлось в урбанистической среде материальным, «...стало дематериализованным с помощью экранных изображений, искусственного освещения, пластической суррептики и отраженной поверхности» [20, с. 337]. Медийные объекты внесли коррективы в трактовку урбанистической среды. Как справедливо утверждает австралийский медиатеоретик С. Маккуайр, «медиа – неотъемлемый элемент современного урбанизма, в котором видят решение кризиса городов. При этом медиа активно подрывают традиционные режимы пространства и времени» [331, с. 17]. Медиа обладают способностью детерминировать мнимую форму, скрывать ее реальные параметры, выделять на первый план иллюзию несуществующего. Спрятанная за светодиодными экранами урбанистическая «ткань» выходит на новый уровень интерпретации.

Мыслимые и немислимые, огненные и леденящие, стихийно рожденные и одновременно угасающие, эти пленительные искрящиеся картинки, преобразующие урбанистическую среду, создают в подсознании жителя мегаполиса (крупного города) иллюзию пребывания в мире цифровых технологий. Но ощущение зыбкости формы не всегда благоприятно устойчивости и надежности.

Из крошечных огоньков выстраивается виртуальная форма, преобразующая реальную среду в мнимое пространство – едва уловимое, изменчивое, динамичное. Она манит жителя крупного города включиться в своего рода игру, войти в мир иллюзий. Но эти виртуальные формы – лишь плод воображения человека. Они мгновенно возникают из пустоты и также легко и быстро исчезают.

Созданные в свете миллионов огней, чарующие взор иллюзорные архитектурные формы вырастают из ниоткуда и растворяются в безграничном пространстве вновь и вновь. Смена визуальных картинок организуется в определенный ритм. Но это вовсе не размеренный ритм античной эпохи с грузным шагом колонн дорик, соответствующий шествию церемониальных процессий или движению военных колесниц. И это отнюдь не стройный шаг изящных колонн французского классицизма. Этот ритм совершенно не соотносится ни с одной исторической эпохой. Но он точно следует интенциям современного человека постигать законы мироздания и смыслы бытия.

Инновационный ритм архитектуры XXI века будто не имеет повторяющихся временных и формальных отрезков. Но он покориет восприятие человека, привлекая его внимания, заставляя вкусить сладость фантазийных форм.

Урбанистическая среда XXI века, интерактивная по уровню взаимодействия с человеком, синтезирует в общественном сознании не накопленный опыт предшествующих поколений, а передовые идеи коммуникативной предприимчивости. Отражая продиктованные временем предпочтения общества, урбанистическая среда аккумулирует в сознании человека отношение к ценностям техногенной цивилизации. Цифровая (информационная) эпоха осмысливается в XXI веке как самоочность. Иллюзорная проницаемость среды, способная обеспечить безопасность человека в мире и создающая условия его беспрепятственного перемещения в реально-виртуальном пространстве, непрерывное нахождение на информационном поле с мгновенным овладением информацией и способностью транслировать ее иным субъектам культуры стали теми темпоральными ориентирами, на которых базируется современный уровень общественного сознания.

Литература

1. Андреева, Е. Ю. Постмодернизм: искусство второй половины XX века – начала XXI века / Е. Ю. Андреева. – СПб. : Азбука-классика, 2007. – 488 с.
2. Маккуайр, С. Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство / С. Маккуайр ; пер. М. Коробочкина. – М. : Стрелка пресс, 2014. – 527 с.